

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ВОИНА

ПРИКАЗАНО СОВЕРШИТЬ ПОДВИГ

Спецназ. Воин России

Александр Тамоников

Приказано совершить подвиг

«ЭКСМО»

2011

Тамоников А. А.

Приказано совершить подвиг / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2011 — (Спецназ. Воин России)

ISBN 978-5-699-48031-9

В середине января 1995 года батальон 137-го гвардейского парашютно-десантного полка твердо закрепился на привокзальной площади Грозного. Десантура под командованием подполковника Голубятникова не только отбивала все атаки дудаевцев, но и совершала дерзкие вылазки, постепенно захватывая близлежащие строения. И тут комбат получил неожиданный приказ: в течение двух дней взять штурмом здание Департамента госбезопасности! Голубятников в замешательстве: без серьезной поддержки артиллерии и авиации штурм обречен на провал. Но приказы не обсуждаются. И подполковник, полагаясь на мужество своих бойцов, начинает разрабатывать рискованный и смелый план...

ISBN 978-5-699-48031-9

© Тамоников А. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Александрович Тамоников

Приказано совершить подвиг

*Личному составу 137-го гвардейского
парашютно-десантного полка
посвящается.*

*Автор благодарит Героя России гвардии подполковника ВДВ
Голубятникова Святослава Николаевича за помощь в создании книги.*

Глава 1

Грозный, район привокзальной площади, удерживаемый 3-м усиленным батальоном 137-го гвардейского парашютно-десантного полка. Вторник, 10 января 1995 года.

Утро выдалось солнечным и ясным, не по-зимнему теплым; выпавший за ночь снег быстро таял, образуя на земле грязноватую кашицу. Погода в Грозном менялась чуть ли не ежедневно. То морозец ударит, присыплет разрушенный город снежком, то туман накроет улицы, частные сектора, кварталы многоэтажных, когда-то жилых домов, то, как сегодня, солнце выглянет, растопит снег, развезет слякоть. Но к этому бойцы батальона уже привыкли, как привыкли и к постоянным снайперским обстрелам, не прекращающимся ни днем ни ночью. Человек ко всему со временем привыкает, особенно на войне.

Приведя себя в порядок после сна, Голубятников позавтракал содержимым сухого пайка, прикурил сигарету и подошел к заложеному мешками с песком окну своего командно-наблюдательного пункта, просторного помещения на втором этаже бывшего управления вокзалами Чеченской Республики. Через триплекс, снятый с одной из боевых машин десанта, находившихся в укрытиях вокруг площади и до сих пор не привлекаемых к обороне плацдарма, осмотрел территорию, контролируемую подчиненным ему батальоном, и прилегающую к плацдарму местность, находящуюся в руках боевиков. Немного утихшие ночью бои в центре города на рассвете возобновились с новой силой. Комбат отчетливо слышал интенсивную пулеметно-автоматную стрельбу, уханье орудий различных калибров, видел грибы разрывов снарядов на верхних, все еще сохранившихся этажах Дома правительства. Войска, перешедшие в наступление, третьи сутки вели ожесточенные бои за центр города. Дудаевцы стояли насмерть, и им было чем держать долговременную оборону – в свое время об этом позаботились российские власти, по сути вооружив до зубов формирования мятежного генерала.

Затушив окурок и отойдя от окна, Голубятников подошел к штабному связисту, сержанту Выдрину и приказал:

– Связь с ротными!

Спустя несколько секунд сержант передал трубку телефонного аппарата «ТАИ-57» комбату:

– Командиры рот на связи!

Капитаны Телинский, Боревиц, Кошерев, назначенный командиром 8-й парашютно-десантной роты капитан Соколенко, а также командиры приданных батальону подразделений доложили об обстановке, сложившейся на данный момент в зонах ответственности. Она была относительно спокойной, боевики постреливали, но как обычно – ни гранатометных обстрелов, ни очередных атак с целью сбить роты с позиций. Удерживал второй квартал и батальон 51-го парашютно-десантного полка. И только в центре разгорались бои. Сразу же после докладов ротных и переговоров с комбатом туляков Голубятникова по радиостан-

ции «Р-159» вызвал дежурный штаба псковской воздушно-десантной дивизии и сообщил, что в 10.00 на плацдарм, удерживаемый рязанскими десантниками, прибудет новый командир сводного полка, штатный заместитель командира тульской дивизии. Командование приняло решение в дальнейшем использовать сводный полк как единую боевую единицу. И вместо полковника Семенова, командовавшего сводным полком до выхода к Грозному, прибыл полковник Бортнов. Голубятников хорошо знал крутой нрав заместителя командира тульской воздушно-десантной дивизии. Приняв сообщение и вернув гарнитуру радиостанции связисту, он приказал Выдрину связать его с командиром 8-й роты, чей пост блокировал подходы к плацдарму со стороны парка им. Ленина.

– Страж на связи! – тут же ответил Соколенко.

– Я – Аркан, слушай внимательно! В 10.00 к нам должен прибыть новый командир сводного полка полковник Бортнов. Скорее всего он подъедет на БТРД. Тебе лично встретить его, провести через пост ко мне на КНП. Как понял?

– Все понял! Встречу лично!

– Отбой!

Отключившись, командир батальона приказал начальнику связи выделить пару бойцов и навести порядок на КНП.

Ровно в 10.10 в помещение командно-наблюдательного пункта вошли коренастый полковник и ротный командир Соколенко. Его, связиста Выдрина и бойцов охраны Голубятников отправил в коридор, а сам обменялся с полковником крепким рукопожатием и предложил пройти к столу совещаний. Бортнов не стал терять время.

– Как тебе уже известно, – обратился он к Голубятникову, – я назначен вместо Семёнова командиром сводного полка, в который входят твой батальон, батальон 51-го полка и усиленный батальон 119-го парашютно-десантного полка из Наро-Фоминска, последний сейчас находится на подходе к парку. Начальником штаба назначен полковник Левин, с остальными заместителями, начальниками служб познакомитесь в ходе дальнейших действий. В парке же, рядом с рестораном «Терек», развернут командный пункт полка. Твой позывной остается прежним, мой – Гранит, Левина – Кама. Мой связист передаст твоим таблицу радиоданных с новыми позывными и новыми частотами. А сейчас я хочу пройти по позициям батальона, ознакомиться с общей обстановкой на местности.

– Без проблем! На плацдарме пока спокойно.

– А что за стрельба ведется из «зеленок»?

– Так это снайперы. С ближних позиций, исключая один дом первого квартала, мы их вытеснили, так они с дальних бьют. Честно говоря, порядком поднадоели, но... сделать что-либо больше того, что уже сделано, мы не в состоянии.

– Туляков тоже обстреливают?

– А они какие-то особенные? – усмехнулся Голубятников. – Заговоренные? Здесь всех обстреливают – и нас, и туляков, и псковичей. И не только обстреливают.

– Я в курсе того, какой натиск выдержал твой батальон. Одно могу сказать – молодцы. Недаром весь батальон к ордену Мужества представлен. Заслужили. Но достаточно разговоров, начнем обход позиций! Кого первыми навестим?

– Предлагаю по порядку дислокации, – предложил Голубятников. – На КНП рассредоточена приданная неполная рота ставропольской десантно-штурмовой бригады, вокруг КНП – позиции 8-й роты, в здании недостроенного нового вокзала – также приданная мотострелковая рота, ну и в трех домах ближнего квартала справа разведывательная рота; по центру девятая, слева седьмая. Подразделения обеспечения у железки, артиллерийская батарея – в парке.

– Юмор оценил! – не поддержал улыбающегося комбата Бортнов. – Насчет артиллеристов, мы их тоже посмотрим, позже! А сейчас к ставропольцам?

– Это вам решать, товарищ полковник.

– Тогда в первую очередь к ставропольцам! – Пройдя по коридору, Бортнов увидел пробоины в торце здания и поинтересовался: – А это что за дыры?

– Это духи память о себе оставили. Из сорокапятки по КНП били. Вытащили пушку в северо-западный сектор и долбили, пока противотанкисты не отогнали.

– Пушку удалось уничтожить?

– Да. Позже, ночью. Пришлось специальную группу разведроты высылать в «зеленку». Она обнаружила орудие и подорвала его. А до этого водонапорную башню обрушили, в ней работала снайперская группа духов, тоже много крови попортила.

– И как же боевики сумели занять башню, находящуюся в непосредственной близости от КНП, в секторе ответственности батальона? Как через посты охранения прошли?

– Просочились. Духи и к самому зданию выходили, через двор. Даже до рукопашной доходило, – вздохнул Голубятников. – Здесь вообще много чего происходило. Вплоть до танковых атак.

– Я слышал и знаю, что один танк твои артиллеристы сожгли.

– Так точно! Уничтожили.

– И как же им это удалось?

– Корректировщик огня отменно сработал. Навел орудие точно на цель, мина и ударила прямо в башню.

– На точность не похоже, скорее смахивает на случайность.

– Как бы то ни было, танк уничтожен артбатареями.

– Да, если это и случай, то уникальный. И в конце концов, без разницы, как подбили «коробку», главное – сделали. Сколько всего танков уничтожили?

– Три.

– Неплохо! «ПТУРЫ» использовал?

– Все, что можно было использовать, – и «ПТУРЫ» и «РПГ-7».

– Ясно! Значит, на первом этаже ставропольцы?

– Так точно! Два взвода под командованием капитана Уханина!

– Ну что ж, идем, посмотрим, как они расположились.

В роте десантно-штурмовой бригады старшие офицеры не задержались, обошли позиции 8-й роты, прошли к мотострелкам и далее – в квартал. Командира полка интересовало все: и где находятся соседи, где боевики, откуда, с каких направлений больше атакуют, каковы потери десантников и сепаратистов, как велись переговоры с боевиками, эвакуация убитых. Голубятников подробно отвечал на вопросы Бортнова, старавшегося вникнуть в каждую мелочь. Полковник внимательно выслушал доклад о встрече офицеров батальона с представителем штаба Масхадова. А вот о визите делегации во главе с депутатом Государственной думы Ковалевым слушать не захотел.

– Об этом не рассказывай, – оборвал он Голубятникова. – Подобных козлов по частям шлындалось много. И ведь некоторые так называемые командиры слушались их, складывали оружие и «сдавались на милость победителей». Вот только потом кровью своей платили за глупость. Но... не будем об этом!

– У полевого командира, чья группировка атаквала плацдарм, было около тридцати наших пленных, но при захвате туляками соседнего квартала, где базировалась группировка, их не обнаружили. Вам ничего не известно об их судьбе? Большинство парней, попавших к духам, раненые.

– Нет, комбат, неизвестно. То, что они были у духов, знаю, а вот что происходило с ними после занятия нашим батальоном правого квартала... Ну, а раз трупов нет, значит, боевики увели их с собой. По ним работают спецслужбы. Многих вытаскивают, может, и майкопцам повезет. Каждому, как говорится, свое! Но вернемся к нашим баранам, что мы еще не осмотрели?

– Да вроде все, не считая тыловых подразделений.

– Ну, тыловики проверит...

Закончить фразу командир сводного полка не успел. В воздухе раздался противный вой, и возле дома, занимаемого разведчиками, прогремел взрыв, за ним другой, третий. Вскоре взрывы окутали двор ближайшего квартала, и Голубятников крикнул:

– Минометный обстрел! Все за мной, в укрытие!

Прекрасно ориентируясь на местности, он бросился к зданию КНП, где на случай внезапного обстрела были оборудованы специальные укрытия – щели. За ним побежали полковник Бортнов, связисты и бойцы охраны. Десантники спустились в щели как раз в тот момент, когда минометная батарея или минометный взвод боевиков перенес огонь на двор, КНП и позиции 8-й парашютно-десантной роты. Командир полка и комбат оказались в одной ячейке.

– Откуда бьют духи? – спросил Бортнов.

– А хрен его знает. Судя по разрывам, стреляют из 82-миллиметровых минометов, а у них дальность стрельбы свыше трех километров.

– И частенько действуют подобным образом?

– Вообще-то это первый минометный обстрел плацдарма, по крайней мере такой интенсивный и прицельный. Впрочем, это объясняется просто. Раньше противник находился рядом и проводил в основном гранатометный обстрел, перед тем как пойти в атаку; сейчас же, с занятием батальоном 51-го полка соседнего квартала, духи вынужденно отошли, но оставлять нас в покое не собираются. Вот и применили минометы. У них всякого оружия немерено.

– Кучно бьют, комбат!

– Где-то неподалеку сидит наводчик, и ему есть откуда корректировать огонь. И из гостиной «Кавказ» мы как на ладони, и из верхних этажей Департамента госбезопасности, и с восточных высоток, да и в тамошней «зеленке» можно выбрать хорошую позицию. Хотя из «зеленки» вряд ли, оттуда весь плацдарм не виден.

– Да, весело тут у вас! – полусерьезно-полушутя проговорил полковник.

– Этот обстрел – ерунда; посмотрели бы вы, что здесь в первых числах творилось, – улыбнулся в ответ Голубятников.

– Вот я и говорю, весело! Так, все, отсиживаться в укрытии у меня нет ни желания, ни времени. Я – к БТРД и в парк. Огонь вроде ослабел, проскочим. Тебе же в 13.00 прибыть на командный пункт полка для уточнения задачи.

– Товарищ полковник, не следует рисковать, обстрел скоро закончится, тогда спокойно и поедете в штаб, – попытался отговорить Бортнова Голубятников.

– А если он затянется? Да еще духи в атаку пойдут? Мне что, до вечера в этой щели сидеть? Нет, комбат, в штабе полно дел. А на войне, сам знаешь, кто не рискует, тот не побеждает. – И Бортнов крикнул своим бойцам сопровождения: – Эй, десант? Живы?

– Живы! – ответил чей-то глухой голос.

– Ты здесь останешься? – повернулся Бортнов к комбату.

– Нет. Пойду с вами до КНП; надо корректировщика вычислить да прекратить эту хрень.

– Ну, тогда вперед!

По команде командира полка группа, укрывшаяся в ячейках, выскочила на поверхность и, петляя, рванулась к зданию КНП. Бортнов с сопровождающими бойцами запрыгнули в БТРД, и тот на скорости пошел к «коридору», соединяющему плацдарм и парк имени Ленина. Голубятников провожал его взглядом, пока машина не вышла из зоны обстрела. Мины продолжали с воем падать на позиции рот, правда уже не так интенсивно, но обстрел продолжался. Голубятников вместе со взводным вбежали в помещение командно-наблюдательного пункта.

– Срочно мне всех ротных! – приказал он.

Сержант бросился к аппарату проводной связи:

– Стрела-10. На связь вызывает Аркан! – И тут же доложил комбату: – Товарищ подполковник, командиры рот на связи!

Голубятников принял от связиста трубку «ТАИ-57»:

– Стрела-10! Я – Аркан! Всем приказ вычислить корректировщика огня противника, быть в готовности к отражению атак с севера, северо-востока и северо-запада! Как поняли?

Ротные доложили, что приказ понятен и принят к исполнению. Не успел Голубятников, отдав приказ, выкурить и половину сигареты, как к нему снова обратился Выдрин:

– Товарищ подполковник, вас вызывает командир разведроты!

Голубятников подошел к столу и поднял трубку:

– Аркан на связи!

– Я – Вьюга! На крыше гостиницы замечено передвижение группы боевиков из трех человек, один из них с радиостанцией. Не исключено, что это и есть корректировщик с прикрытием.

– Уничтожить! – коротко бросил в эфир Голубятников.

Такой же приказ он отдавал и другим командирам подразделений, докладывавшим об обнаруженных в секторах своей ответственности подозрительных людях или группах лиц.

На корректировщика минометной батареи вышел наблюдатель разведывательной роты старший сержант Валерий Бушуев. В свое время он учился в Рязанском воздушно-десантном училище, но за «примерное» поведение, за драку, был отчислен с 3-го курса и направлен в полк дослуживать до первого приказа. Его назначили на должность командира отделения, а по сути, он исполнял обязанности заместителя командира взвода. Приказа не дождался, попал на войну. Воевал смело, даже отчаянно и как-то весело, если данное определение уместно к тем условиям, в которых оказались бойцы усиленного батальона. Старший сержант вместе с рядовым Алексеем Греховым находились рядом с ротным, когда Телинский получил приказ на обнаружение и уничтожение корректировщика минометного подразделения противника. Им же капитан и поставил эту задачу. Бушуев и Грехов заняли позицию у окна торца здания, откуда просматривалась часть крыш и верхних этажей гостиницы «Кавказ», а также здание Департамента государственной безопасности самопровозглашенной и непризнанной Ичкерии. Грехов в бинокль внимательно рассматривал здания, откуда хорошо был виден плацдарм, затем воскликнул, обращаясь к напарнику:

– Валера, на крыше гостиницы, слева за парапетом, трое духов, один с радиостанцией, с кем-то постоянно переговаривается. Остальные двое осматривают наши позиции.

– Где, говоришь, духи?

– Слева, у угла крыши. Почти не прячутся, сволочи! Посмотри сам. – Грехов передал бинокль Бушуеву.

Тот направил его на крышу гостиницы:

– Да, похоже, это либо группа корректировщика минометного огня, либо какая-то группа управления. Но, по-любому, духи. Я возьму их на прицел, а ты доложи о них ротному.

– Так был же уже приказ уничтожить корректировщика.

– Доложи! Хрен его знает, может, этих снимать как раз и не надо. Грохнем, кого не следует, проблем не оберемся и ротного подставим. Давай, доложи. Только быстро.

– А если они уйдут?

– Ты долго базарить будешь? – возмутился Бушуев. – Не уйдут, не дам!

– Ладно, доложу. – И рядовой скрылся в проеме двери. Через считанные минуты он вернулся и уже от двери спросил: – Духи все еще на месте?

– На месте, – ответил Бушуев. – Борзые, суки, пасут плацдарм в открытую. Ну так что ротный?

– Короче, Валера, вали их к чертовой бабушке! Приказ Телинского.

Приподняв трофейный «ПКМ», захваченный им в первые дни боев за привокзальную площадь, старший сержант дал по боевикам три короткие очереди. Пулеметный огонь мгновенно срезал вражеских наблюдателей.

– Вот так-то оно лучше, – проговорил Бушуев, отходя от окна. – Получили чуханы, что заслужили.

– Лихо ты их, Валера! Три очереди, и все в цель, – восхищенно произнес Грехов.

Старший сержант похлопал по коробке с пулеметной лентой:

– «ПКМ» – это вещь! С него промахнется только слепой. И бьет почти без отдачи. Отличная машина!

В комнату вошел командир роты, и Бушуев доложил.

– Товарищ капитан! Обнаруженная на крыше гостиницы группа боевиков из трех человек с радиостанцией уничтожена!

Телинский кивнул, взял бинокль, направил его на крышу гостиницы, перевел затем на крышу и верхние этажи здания Департамента госбезопасности и опустил вниз.

– Так! Быть в готовности к отражению атаки духов со стороны гостиницы. Хотя оттуда они уже вряд ли пойдут. Но не расслабляться, находиться здесь.

– Как же так? А вы? – спросил Грехов.

– Обойдусь без телохранителя. Задача ясна?

– Так точно! Оставаться на местах и продолжать наблюдение.

Буквально через пару минут минометный огонь прекратился – видимо, бойцы разведроты действительно уничтожили корректировщика вражеской батареи, и, лишенные возможности вести прицельный огонь минометчики боевиков прекратили огонь. Или же перевели его к Белому дому, где продолжались ожесточенные бои за цитадель Дудаева, здание правительства непризнанной республики.

В 12.30, выполняя распоряжение командира сводного полка, подполковник Голубятников, сержант Выдрин, незаменимый связист, начальник штаба майор Кувшинин, заместитель комбата по воспитательной работе, все еще продолжавший по совместительству исполнять обязанности командира взвода 9-й парашютно-десантной роты, по «коридору», образованному двумя ротами мотострелкового батальона, направились к парку Ленина, где рядом со штабом дивизии был обустроен командный пункт сводного полка. Он представлял собой палатку вместимостью человек десять, окруженную капонирами, в которых под маскировочной сетью стояли командно-штатные машины «Сорока», «Р-142», радиорелейная станция, боевые машины десанта подразделения охранения и другая техника. Командный пункт был развернут по соседству с бывшим рестораном «Терек», в подвале которого находился штаб воздушно-десантной дивизии. Голубятников пошел к палатке, а Кувшинин, Холодов, Выдрин и бойцы охранения – к позициям артиллерийской батареи капитана Селина. В палатке находились полковники Бортнов, Левин, заместитель командира полка по воспитательной работе подполковник Кирилин, офицеры штаба, а также командиры усиленных батальонов тульского и наро-фоминского парашютно-десантных полков. При появлении Голубятникова Бортнов тут же предложил всем офицерам подойти к столу, на котором была разложена карта города. Он был краток.

– Задачи предстоит решать следующие. Первое – в 19.00 батальону 119-го наро-фоминского полка убыть на плацдарм, удерживаемый батальоном 137-го рязанского и 51-го тульского полков, с последующей задачей захвата участка восточного сектора частных домов и территории юго-восточного направления за железной дорогой, по соседству с псковскими десантниками. – Полковник карандашом обвел район, который следовало занять батальону нарофоминцев, и продолжил: – Тем самым наглухо заблокировать привокзальную площадь со всех направлений. Подполковнику Голубятникову встретить батальон подполковника Реброва, организовать взаимодействие, установить пароли, сигналы опознавания, в дальнейшем осуществляя все необходимые мероприятия обеспечения выполнения боевой задачи батальо-

ном нарофоминцев. Захват плацдарма восточного и юго-восточного направлений осуществить в ночь с 10-го на 11 января, то есть сегодня. Второе – рязанскому батальону подготовиться и в ночь с 11-го на 12 января в любое время на усмотрение комбата завладеть последним, четвертым, домом ближайшего к КНП квартала пятиэтажек. Есть вопросы?

Вопросов у офицеров не было, и командир полка, удовлетворенно кивнув, бросил карандаш на карту и коротко произнес:

– Товарищи офицеры!

Это означало, что совещание или постановка задач закончены и старшие офицеры могут быть свободны.

Комбаты полка дружно вышли из палатки и закурили. В центре внимания оказался Ребров, чей батальон совсем недавно прибыл из-под Москвы.

– Ну как там, дома? – спросил Голубятников.

– Дома – не здесь! – улыбнулся Ребров.

– И давно вас бросили на Кавказ?

– Да нет! Третьего числа полк перевели в режим повышенной боевой готовности, 6-го прилетели в Моздок, а оттуда колонной к Грозному. 7-го встали на окраине города вместо морпехов.

– Морпехов? – переспросил Островский.

– Да! Их там стояло тысяч пять личного состава.

– Встречались мои с ними, точнее, с их разведкой, – кивнул Голубятников.

– И где же ваши пути пересеклись? – заинтересованно спросил Ребров.

Голубятников рассказал о рейде группы, посланной за БМД отделения, ушедшего в тыл боевиков, и раненом, которого пришлось оставить в доме чеченца.

– БМД нашли, нашли и бойца. Только мертвым. Умер от ранения в живот. А когда пошли назад к БМД, на разведку морпехов и нарвались. От нас старшим в рейд пошел штатный начальник штаба полка, он-то и встретился с командиром разведчиков. Чуть не постреляли друг друга, но пронесло. Удивлялись мы тогда, откуда в Грозном морпехи взялись – а их, видимо, со всех флотов сюда бросили, раз такая крупная группировка базировалась на подступах к городу.

– Одно удивительно, – вступил в разговор Островский, – если пять тысяч одних морпехов да еще пехоты не меньше дивизии на штурм центра бросили, то почему до сих пор не выбили духов? Там сильные бои идут, недалеко от нас, слышно хорошо. И это с 7-го числа! Сколько же тогда горцев собрал Дудаев на оборону центра? Корпус?

– А вот меня, – сказал Ребров, – удивило другое, хотя, конечно, затянувшийся штурм тоже необъясним. Я, как вышли в конечный пункт марша, посмотрел на город. И что увидел? Окраины, частный сектор, жилые дома, предприятия, нефтяные скважины, практически все лежит в развалинах, а центр и прилегающая к нему территория почти не тронуты. По крайней мере в центре города разрушений гораздо меньше, нежели на окраинах. Отсюда вопрос – что за цели бомбила наша славная авиация? И что это за удары, после которых Дудаев сохранил столько сил и средств, которые позволяют ему десятые сутки удерживать центр? Десятые сутки наши войска не могут выбить дудаевцев из Грозного! Вот это меня очень удивляет.

– Говоришь, удерживать, Володя? – усмехнулся Голубятников. – Да мой батальон до 7-го числа держал оборону плацдарма и привокзальной площади. И каждые сутки духи атаковали нас со всех направлений, исключая южное – там псковичи прикрывали. Атаковали постоянно, и днем и ночью, бронетехнику в бои бросали, до подъездов здания КНП прорывались. А ты говоришь, чечены удерживали центр. Это мы держали плацдармы в глухой обороне. Я уже не говорю, как духи 31-го распотрошили майкопскую бригаду. На той же привокзальной площади.

– Да-а, – протянул Ребров. – Ничего не скажешь, влезли в дерьмо по самые уши.

– В это дерьмо нас наше родное командование посадило, – вновь вступил в разговор Островский. – Нет чтобы, четко отработав план операции, разрешили давить Дудаева, войска подготовили, подведя их одновременно к Грозному со всех направлений, взяли бы город в блокаду и уж потом, после переговоров о сдаче сепаратистов, проведя разведку боем и обеспечив возможность выхода мирных жителей, начали спокойно, планомерно и согласованно наступление. Нет, бросили в Грозный войска, как котят слепых, и получили в результате то, что получили, – огромные потери, неразбериху, бардак.

– Ну, сейчас ситуация выправляется, – сказал Голубятников. – Да и что толку обсуждать, что было, надо думать о том, что будет. Что нас всех впереди ждет.

– Что ждет? А то, что и нас бросят в центр, – заметил Островский.

– Ну, бросят так бросят. Лично мне оборона уже до чертиков надоела. Но ладно, мы ничего уже не изменим, так что и обсуждать нечего. Лучше скажи, – повернулся Святослав к Реброву, – что там в Москве СМИ о войне этой передают.

– По телевидению идет противоречивая информация – вернее, шла, пока мы дома были. То сообщают о разгроме наших войск и наступлении боевиков, то, наоборот – наши, мол, окраины захватили и развивают наступление. Бардак, короче. Нам-то в полку реальную обстановку доводили, в принципе знали, что здесь происходит, а 7-го числа ввели в курс дела на месте. Поэтому и готовили батальон к боевым действиям дома, в условиях города. А население – в полной непонятке. Когда выдвигались к аэродрому, на улицу много народу вышло, и провожали с таким видом, будто нас на убой ведут. Вот так, в общем! Прав Саша Островский, бардак везде – и здесь, и дома. Но, давайте, мужики, закроем эту тему, а обсудим, как будем взаимодействовать на начальном этапе.

– Вот это правильно, – согласился Голубятников и развернул карту. – Первое, Володя, – это выход твоего батальона на удерживаемый плацдарм. Пойдешь колонной по «коридору». До моего поста. Там тебя будут ждать. Пароль – «пятерка». Моргнешь с БМД фонарем три раза зеленым светом, в ответ получишь два красных, тогда к тебе выйдет встречающий и проводит колонну. Впрочем, я сам к тебе выйду. Пехоту, что обеспечивает «коридор», предупредят, она в наши дела вмешиваться не будет. Главное, – и это крепко запомни, – ни в коем случае не открывай ответный огонь, если по колонне кто-то выстрелит. Кругом свои, возможен случайный выстрел. Осади тех, кто будет рядом, матерком, но без стрельбы. Иначе...

– Я все понял, Слава! – перебил его Ребров.

– Ну а как выйдешь, оценим обстановку на местности, определим взаимодействие и... вперед.

– Договорились. Значит, пароль – «пятерка», мой свет – зеленый тройной, твой красный!

– Да. С 18.00 и до 20.00 будет действовать «пятерка». Обычно мы через час меняем пароль, но в данной ситуации сделаем исключение. Задержишься, сообщи.

– Обязательно!

– Ну и ладненько, я к своим артиллеристам и на плацдарм. До вечера!

Командиры батальонов разошлись. Голубятников направился к месту дислокации артиллерийской батареи, приданной батальону, и вышел к позициям орудий. Они находились в капонирах, стояли строго в линию на расстоянии в двадцать-тридцать метрах друг от друга, рядом – командно-штатные «Реостаты». Все четко, по уму, как и должно быть. Техника обслужена, капониры укрыты маскировочной сетью, охранение на месте. Святослав осмотрелся и недалеко от «Реостата» Селина увидел самодельный стол, за которым сидели командир батареи, начальник штаба, лейтенант-артиллерист, заместитель по воспитательной работе. Двое бойцов рядом что-то грели на костерке. На столе трехлитровая банка коньяка, тушенка, хлеб, колбаса. Увидев Голубятникова, Холодов воскликнул:

– Во! Командир! Вовремя. А мы тут решили слегка размяться.

Селин поднялся и двинулся навстречу Голубятникову.

– Товарищ подполковник, в батарее происшествий не случилось, личный состав занимается согласно распорядку дня. Батарея находится в полной готовности к открытию огня.

– Как у тебя с боеприпасами? – поинтересовался комбат.

– Нормально. Получаем, сколько надо, по первому требованию; орудия обслуживаются, все исправны.

– Вижу, хорошо. Значит, решили размяться?

– Немного! Да и в таком составе давно не собирались. Ребятам помянуть надо, что в «нюрках» первого числа сгорели.

– Это надо! Наливай. Но только помянем, и все! Разминаться будем дома или когда духов из города выбьем!

– Есть! – И капитан Селин разлил коньяк по стаканам.

Выпили за артиллеристов, погибших при выдвижении колонны батальона к привокзальной площади. Часть подразделения случайно пошла к центру города и попала в засаду боевиков. У Селина сожгли два самоходных орудия; четверо бойцов из девяти членов экипажа самоходок, в том числе прапорщик Васильев, погибли. Отставив стаканы, немного поговорили, и Голубятников с заместителями, связистом и охраной собрался уже уходить, но Селин задержал их:

– Подождите минутку, у меня для вас подарки именные.

– Что за подарки? – удивился Голубятников.

– Да подбрасывают нам тут посылки от различных фондов благотворительных, общественных организаций.

– Неплохо сидеть рядом со штабом, да?

– Очень даже, товарищ подполковник, – улыбнулся Селин и обратился к своему подчиненному: – Лейтенант, сбегай-ка, организуй пяток посылок для начальства.

Лейтенант ушел, а через несколько минут солдаты-артиллеристы принесли ящики.

– Возьмите, – сказал Селин, – все веселее будет на КНП руководить.

Пока офицеры занимались ящиками, Голубятников отвел командира батареи в сторону и проинструктировал его, объяснив задачу, полученную батальоном.

– Завтра в ночь штурмуем последний, четвертый, дом ближайшего квартала; тебе придется вести огонь по целям, которые обозначит корректировщик. А сегодня нарофоминцы пойдут в восточный сектор и за железку. Не исключено, что и их надо будет поддержать. Да, у них своя батарея, но сам понимаешь, она только вышла на позиции – пока изучат местность, пока пристреляют орудия... Возможно, нарофоминцы и без нас обойдутся, но подстраховать не помешает.

– Я все понял! Мне только команду получить да данные корректировщиков, а за открытием огня дело не станет. Ударим хоть по Белому дому.

– Придет время, и по Белому настреляешься вдоволь. Все, мы пошли.

– Удачи вам!

– И тебе того же! Коньяк убери, и чтобы больше никаких расслаблений.

– Конечно, товарищ подполковник. А вот и командир взвода материального обеспечения нарисовался.

За спиной Голубятникова раздался радостный голос прапорщика Белова:

– Здравия желаю, товарищ подполковник!

– Витя? Здравствуй, ты откуда появился? – обернулся комбат.

– Из «ямы», вестимо. Командование нас там держит. – Под «ямой» подразумевалась тыловая зона, где были сосредоточены мобильный госпиталь, подразделения тылового обеспечения войск, ведущих боевые действия, склады, полевые кухни, одним словом, все, что имело отношение к тылу. – Мне уже надоело там сидеть. Подчиняемся непонятно кому, начальства

больше, чем бойцов, кто званием выше – все начальники, и каждый норовит командовать. Я хотел перебраться к вам на плацдарм, не пускают. Могу свалить без разрешения?

Взвод материального обеспечения имел шесть машин, в том числе передвижные кухни «ПАК-200», способные обеспечить горячей пищей 200 человек, полевые кухни, палатки для организации пунктов питания, бочки с водой, в которой батальон испытывал острый дефицит, запасы продовольствия, – а на плацдарме заканчивался сухой паек. Голубятникову очень нужен был там взвод материального обеспечения, но без команды свыше распоряжаться своим взводом комбат не имел права. Поэтому и ответил с намеком:

– Без разрешения – не можешь, но в принципе... я повторяю, в принципе, если пойдешь, то доберешься до батальона спокойно, без проблем. Я же, сам понимаешь, официально разрешить перемещение не могу, но и наказывать за самодеятельность не стану. Сам смотри. Только если решишь все-таки уйти на плацдарм, не делай этого ночью! Ночью не пройдешь.

– Я все понял, товарищ подполковник! Пойду, с заместителями поздороваюсь.

– Давай! – отпустил комбат прапорщика.

Белов подошел к Кувшину и Холодову. Они о чем-то переговорили, и прапорщик скрылся за деревьями. А группа управления отправилась обратно на плацдарм. Погода разгулялась, день выдался солнечным, теплым, оттого и настроение было приподнятым. Офицеры шли впереди, бойцы сопровождали их сзади. Перебросив ящик с одной руки в другую, Холодов сказал:

– Анекдот вспомнил, перед отправкой сюда один мужик в забегаловке рассказал. Не желаете послушать, господа офицеры?

– Давай свой анекдот! – улыбнулся Кувшинин.

– Короче! Решили наши «новые русские» слетать отдохнуть на острова в океане. Заказали самолет, водки с закуской набрали да мужика простого, Степаныча, как прислугу с собой захватили. Летят, в общем, и вдруг самолет затрясло, он стал снижаться. Нувориши ринулись со страха в кабину пилотов, узнать, что, мол, происходит. Те тоже в непонятке. Увидели какой-то остров и приземлились туда! Выходят наружу – кругом джунгли, куда попали, непонятно. Тут из зарослей племя выскакивает и окружает наших богатеев, потрясая копьями, нувориши еще больше перессали. А что делать? От дикарей выходит к ним старший. Вперед выходит вождь с кольцом в носу и спрашивает: кто такие, откуда? Наши отвечают, «новые русские» мы, значит, из России. Вождь обрадовался, русские – это хорошо, и говорит:

– Кто только не залетал сюда, а из России вы первые будете. Да вот только не повезло вам, ребята, племя-то у меня людоедов. Впрочем, не все так для вас плохо. Сделаете одно дело – отпущу. Проблема у нас – слон, символ нашего племени, раньше всегда веселый был, а теперь загрустил сильно, плачет и плачет. Как ни пытались и мы, и те, кто до вас прилетал, рассмешить его, ничего не получалось. Слон может от тоски погибнуть, а без него племени никак нельзя. В общем, если рассмешите слона, не только отпущу, но еще и золота дам, сколько унесете; ну а не рассмешите – не обессудьте, съедим вас вечером на ужин.

Нувориши заметались: что делать? Один к слону подходит, второй рожу корчит, третий анекдоты травит – все без толку. Только Степаныч сидит в сторонке, курит и улыбается. Попрыгали нувориши, но так и не удалось развеселить слона. Вождь вздохнул – вот и вы не смогли, придется отдать вас соплеменникам, таков порядок. Наши на колени – пощади, вождь. А абориген ни в какую – рад бы, да не могу. Молитесь перед смертью. Тут Степаныч встает, подходит к вождю и говорит: покажь, мол, золото. Крикнул вождь дикарям, чтобы мешки с золотом принесли. Мужик и спрашивает:

– Все это отдашь, если слон заржет?

– Да, только плачет он.

– Погоди и людей своих отведи подальше, сейчас твой слон кататься по поляне от смеха будет.

Подошел Степаныч к слону, поднял ему ухо, что-то сказал, и – о, чудо! – слон как заржет, и на землю, хобот кверху поднял, ногами дрыгает и смеется без удержу. Дикари оторопели – что за дела? Вождь к мужику:

– Слушай, что ты ему сказал? Отчего слон рассмеялся?

А мужик в ответ:

– Какая разница? Ты условия выставлял, я их выполнил, слон развеселился, отпуская хозяев да прикажи своим зулусам золото на борт грузить. Лететь пора.

В общем, отпустил вождь наших «новых русских». Те уже в воздухе на радостях мужика водкой упоили.

– И когда нам смеяться, Шура? – вздохнул Кувшинин.

– Да погоди ты, это только половина анекдота. Слушай дальше, все одно идти еще долго. Так вот, отдохнули нувориши месячишко на другом острове безлюдном и подались обратно в Россию. Но тут опять на полпути самолет затарахтел и совершил вынужденную посадку на тот же остров. К самолету тут же толпа дикарей подбежала. Впереди – вождь. Влетает в салон и спрашивает: где мужик, что слона развеселил? А тот как начал пить месяц назад, так все время не просыхал. Но очнулся, вылез из-за ящиков, опухший весь, говорит:

– Тут я, чего надо?

Вождь к нему. Мол, что хочешь, проси, все отдам, только успокой слона. Он до сих пор смеется, как бы не сдох!

– Баба мне давеча тут одна твоя приглянулась, – усмехнулся Степаныч. – Отдашь ее с мешком бриллиантов в придачу, решу твою проблему.

Вождь:

– Да хоть всех баб забирай, других у соседей отобьем, и алмазы – сколько хочешь, но сделай дело.

Нувориши притихли, сидят в креслах бледные, ждут, чем все закончится. А мужик сошел на землю, подошел к смеющемуся слону, опять поднял ему ухо и что-то сказал. Слон все смеется. Тогда мужик нагнул его башку и... слон заткнулся, а потом заревел. А Степаныч к вождю подходит.

– Вот и все, давай красотку и мешок алмазов.

– Без проблем, – отвечает вождь. – Я тебе еще и золото дам, только объясни, что ты слону говорил и чего показывал, что он то смеялся, то плакал?

– Все просто, вождь, – сказал мужик. – В первый раз я ему нашептал, что у меня член больше, чем у него. Он и рассмеялся. А второй раз показал свой член. Тут уже не до веселья стало.

– Все?! – Кувшинин даже приостановился от удивления.

– Все! Можете смеяться.

– А что, нормальный анекдот, – усмехнулся Голубятников, – только впереди что-то непонятное происходит.

Офицеры с группой сопровождения прошли по «коридору» метров двести, когда он первым увидел то, что больше походило на съемку фантастического боевика. А именно – группу из пяти человек, одетых в камуфляжи «день-ночь», то есть черно-белого раскраса, в сферах, бронжилетах, с оружием и биноклями. Бойцы группы были рассредоточены на небольшом пятачке слева от железной дороги, где перемещались десантники. Кто-то из них лежал за укрытием, кто-то стоял на колене, и у всех пятерых были карты, по которым они сверяли местность, прилегающую к привокзальной площади.

– А это что еще за терминаторы? – удивился майор Холодов.

– Да, ни дать ни взять бэтмены, и каждый под два метра ростом. Крепкие ребята, – добавил начальник штаба. – И на нас никакого внимания. Что за хрень, командир?

– А вот это мы сейчас узнаем! На всякий случай быть готовыми к обороне.

– Да тут кругом пехота, и эти пятеро скорее всего наши; духов сюда не пустили бы, – заметил Холодов.

– Быть в готовности к отражению нападения, – спокойно повторил приказ Голубятников.

Положив ящики на землю, все подошли вплотную к необычной группе, но на них по-прежнему не обратили никакого внимания.

– Привет, мужики! – поздоровался Голубятников. – Позвольте узнать, кто вы и чем так увлеченно занимаетесь?

Старший группы, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– Привет! И ступайте своей дорогой, не мешайте.

– Так наша дорога лежит как раз туда, куда вы смотрите в бинокли. Мы пройдем, а вы сдуру нам в спину стрелять начнете.

Старший группы резко обернулся, и в его глазах Голубятников прочел недоумение.

– В смысле туда, куда мы смотрим? Там же привокзальная площадь?

– Ну? Верно, привокзальная площадь.

– Но она занята боевиками Дудаева! На площади духи!

– Какие, к черту, духи? Площадь со 2 января обороняется моим батальоном.

– Не понял?! А кто вы есть-то?

– Командир 3-го усиленного батальона 137-го рязанского гвардейского парашютно-десантного полка, подполковник Голубятников, – представился Святослав. – А кто вы?

– Командир отряда спецназа внутренних войск, подполковник Руган. Что-то я не пойму; вы на карте можете показать, где конкретно рассредоточены подразделения вашего батальона? – поднялся и старший группы.

– Конечно, покажу. – Голубятников карандашом обвел территорию плацдарма. – Вот здесь – мой батальон, северо-восточнее – батальон 51-го парашютно-десантного полка, южнее – подразделения псковской воздушно-десантной дивизии.

– А где же тогда духи? – Подполковник Руган находился в полной растерянности.

– А духи, – ответил, улыбаясь, Голубятников, – рядом, вокруг плацдарма, но с началом общего наступления количество их сильно поубавилось; скорее всего, отошли к Белому дому. Раньше находились в частном секторе, где, впрочем, могут быть и сейчас, также не исключено, что они сосредоточены в многоэтажках восточного направления. Их снайперы повсюду.

– Так какого черта меня сюда отправили? – разозлился командир отряда.

– Этого я знать не могу.

– Начальники, мать их! Представляешь, мне поставлена задача силами отряда – а это около трехсот бойцов – зачистить территорию у вокзала.

– Та же задача, только не зачистить, а захватить плацдарм у вокзала, была поставлена и мне десять дней назад, – усмехнулся Голубятников.

– Ну что же это за хрень, а, десантура? По разведанным моего командования, плацдарм у вокзала до сих пор занимают отряды сепаратистов. Те, что распотрошили батальоны майкопской мотострелковой бригады. Сегодня ночью я должен был атаковать плацдарм.

– И получил бы в ответ по мордам!

– Мои ребята тоже воевать умеют. Мы просто перемололи бы друг друга, и все из-за тупости начальства. Неужели нельзя было организовать взаимодействие? Нет, давай вперед на площадь, там духи, разбившие майкопцев! Вот тебе и духи... Нет, так воевать нельзя. – Руган сложил карту, спрятал ее в планшет и крикнул своим подчиненным: – Уходим! А тебе удачи, комбат!

– Взаимно!

Группа спецназовцев быстро скрылась в переулке частного сектора.

К Голубятникову подошли смеющиеся Кувшинин и Холодов – они узнали у бойцов, чем тут занимались спецы внутренних войск.

– Чего ржете? – разозлился Святослав. – Весело? А если бы мы их не встретили, ночью было бы еще веселее, когда по нам ударил бы отряд спецназа внутренних войск. И ударил бы неслабо – у спецов была задача уничтожить духов, что сожгли батальоны майкопской бригады. А выходит, что спецназ шел бы на нас. Триста бойцов, имеющих отменную подготовку для ведения боевых действий в населенных пунктах, экипированных и вооруженных для этого, – сила нешуточная. Они реально могли сбить нас с позиций, заставив либо драться до последнего, либо отойти в восточную зону.

– Да нет, сбить бы не сбили, – запротестовал Кувшинин. – Островский и псковичи помогли бы, да и батальон Реброва, но крови пролилось бы много! Спецов бы точно положили всех. Они, как и мы, дерутся до последнего патрона и в плен не сдаются.

– Какой же идиот отдал им приказ на штурм площади? – спросил Холодов.

– То, что идиот, еще мягко сказано, но нашелся стратег в лампасах, новоиспеченный Суворов, мать его! С введением в город внутренних войск МВД, как мы имели возможность убедиться, и при полной несогласованности действий с армейским командованием все станет гораздо сложнее. Но это обсудим на КНП.

Офицеры выбрали оставленные на земле у насыпи посылки и двинулись дальше к плацдарму.

Глава 2

Вернувшись на КНП батальона, подполковник Голубятников приказал связисту соединить его с командиром сводного полка. Выдрин устроился за коммутатором и вскоре доложил:

– Гранит на связи, товарищ подполковник!

Голубятников поднес к уху трубку полевого телефона:

– Я – Аркан!

– Слушаю!

Голубятников доложил о встрече с группой спецназа внутренних войск. Выслушав комбата, командир полка воскликнул:

– Черт бы побрал эту неразбериху! Я переговорю насчет инцидента с командиром дивизии, постараемся выйти на командование внутренних войск, но ты будь начеку. Продумай дополнительные меры безопасности, дабы не схлестнуться со своими. Надеюсь, в ближайшее время мы сумеем организовать взаимодействие с ВВ и подразделениями ФСБ. Но меры все равно прими.

– Я понял вас!

– А раз понял, тогда до связи!

– До связи! – И Голубятников вернул трубку сержанту Выдрину.

Возвращаясь из парка, еще до встречи с группой спецназа внутренних войск, Святослав принял решение систематизировать порядок ведения личным составом собственного снайперского огня. До этого бойцы действовали хаотично, не считая рейдов по «зеленкам» и отвечая огнем на выстрелы вражеских стрелков, что являлось малоэффективным. Теперь же, когда прямые атаки боевиков практически прекратились, но мелкие группы все же кружились у позиций, появилась возможность организации результативного реагирования на действия противника. Комбат присел за стол совещаний и подозвал начальника штаба:

– Сергей, присядь!

– Да, командир?

– Я решил создать в каждой роте снайперские группы. В группе – два-три солдата, с трофейной винтовкой. Этим ребят больше никуда не задействовать. Они должны круглосуточно с позиций рот – со специально оборудованных, подчеркиваю, позиций – отслеживать подходы к плацдарму со всех направлений. Особое внимание – гостинице, зданию Департамента государственной безопасности, высотным зданиям, частному сектору, прилегающим улицам и проспекту Орджоникидзе. Группы действуют самостоятельно, но внимательно. Наши снайперы должны знать – да и не только снайперы, весь личный состав, – что в зоне ответственности подразделений могут оказаться вэвэшники, и не открывать огонь на первое же движение. Только убедившись, что видят духов, приступать к их ликвидации. Старшим групп вести учет на обычном листе – когда, где и сколько уничтожено боевиков. Учет обязателен.

– Понял! – ответил майор Кувшинин.

– Сейчас ступай по ротам, доведи до ротных изменения в обстановке в связи с вводом в Грозный войск МВД и поставь задачу на быстрое формирование собственных снайперских групп. Они должны уже сегодня выйти на позиции и приступить к работе.

– На них можно возложить и функции дополнительных наблюдателей, – заметил Кувшинин.

– Естественно, снайперские группы в первую очередь будут действовать как наблюдатели, и только в случае обнаружения и идентификации, по возможности, целей открывать огонь. Но никаких дополнительных наблюдателей выставлять не надо: солдаты измотаны, нагружать их лишней работой нельзя, поэтому с выставлением на позиции снайперских групп количество наблюдателей в подразделениях уменьшить. Это понятно?

– Понятно!

– Ступай! И все подробно доведи до ротных. На тебе и контроль за формированием снайперских групп.

– Есть, – ответил начальник штаба и вышел из КНП.

Сержант Выдрин предупредил по телефону ротных о скором прибытии в подразделения майора Кувшинина. А Голубятников, проводив начальника штаба, выбил из пачки сигарету, прикурил, сделал затяжку и вдруг услышал голос сержанта:

– Ба! Какие люди?!

– И, заметь, Серега, даже с охраной, – раздалось в ответ, и, обернувшись, комбат увидел командира взвода материального обеспечения, прапорщика Белова. – Вот и мы, а вы не ждали?

– Ушел-таки, чертяка? – довольно улыбнулся Голубятников.

– Ушел! Да ну их всех на хрен! У меня тут работы навалом, а заставляют в тылу сидеть, ерундой заниматься... Так можно и до конца войны отсидеться, а как потом мужикам в глаза смотреть? Они дрались, а я прохлаждался?

– Разрешения спрашивал?

– Нет! После разговора с вами в парке вернулся в «яму», собрал личный состав, объяснил, что к чему. Свернулись по-тихому, и колонной через парк сюда.

– И никто не остановил?

– А как же? Остановили на выездном посту. Старлей из тульского полка. Спросил, кто такие, куда следуем. Объяснил, что в батальон, по приказу начальника тыла. Старлей документы потребовал, я ему в ответ спиртику предложил. На том и разошлись. До наших добрались уже без проблем.

– А где сейчас находится взвод?

– У поста 8-й роты.

– Значит, так, Белов, встанешь во дворе, рядом с КНП. Машины укрыть, разместить личный состав на первом этаже. Как обустроишься, придешь, и мы уточним, что дальше делать.

– Разрешите вопрос?

– Давай!

– Что, если вышестоящее командование потребует возвращения взвода в тыловую зону?

– Это уже не твои проблемы! Я этот вопрос решу сам, – ответил командир батальона. – Ступай!

В КНП прапорщик Белов вернулся через час и доложил о том, что техника уже размещена во дворе, а весь личный состав на первом этаже.

– Идем, Сергей Станиславович, посмотрим, как ВМО обустроился, – обратился комбат к Кувшинину, который после осмотра подразделений давно уже находился в КНП.

Старшие офицеры и прапорщик вышли во двор. Уточнили, где выставлять охранение, предупредили командира ставропольской роты о соседстве тыловиков, определили, что в случае необходимости личный состав ВМО усиливает роту. Кувшинин проинструктировал, как проходить посты, довел порядок назначения и смены паролей с отзывами и предупредил о постоянно ведущемся противником снайперском обстреле позиций батальона. Белов все внимательно выслушал, обещал часам к 9 вечера приготовить горячий ужин и обдумать, как завтра организовать помывку личного состава. Он привез с собой не только продукты, воду, но и нательное белье на весь батальон, мыло, около тридцати комплектов обмундирования и обувь. Всех, конечно, не переодеть, но заменить камуфляжи и обувь у тех, кто сильно поистрепался, можно.

– Ты, Витя, должен знать, – сказал прапорщику Голубятников, – что у нас в подвалах удерживаемых домов прячутся мирные жители. Где больше, где меньше, и чечены, и русские, и представители других национальностей. Среди них много женщин, стариков и детей. Только в подвале КНП около сотни беженцев. Спустись туда, найди некоего Викторова Илью Владими-

ровича, он там за старшего; пусть уточнит, сколько всего людей прячется у нас на плацдарме. В первую очередь выдели им воду, а также прикинь, сможешь ли хоть особо нуждающихся обеспечить горячей пищей. Понял?

– Понять-то понял, накормить накормим, есть чем, но вот только одно непонятно, чеченов-то чего держите в подвалах? Пусть валят к своему Дудаеву.

– Белов! – повысил голос комбат. – Я тебе что сказал? Помочь всем, кто находится под нашей защитой. И русским, и чеченцам. Дудаев, Масхадов, подчиненные им бандформирования – это одно, а мирное население – совсем другое. Или, по-твоему, чеченцы не такие же люди, как мы с тобой?

– Да нет, я не то имел в виду!

– А надо иметь в виду то, что тебе приказано. И чтобы я больше подобных разговоров не слышал, понял?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Все возникающие вопросы решаешь с начальником штаба, а сейчас разворачивай пункт питания, кухни свои, доставай продукты и... в подвал! Фамилию старшего у беженцев запомнил?

– Так точно! Виктор Иванович...

– Илья Владимирович, – уточнил Голубятников. – О работе с беженцами доложишь лично мне завтра утром. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Вперед! А то, что пришел, – молодец. Благодарность тебе за это!

– Да не за что, товарищ подполковник.

– Не понял? – удивленно поднял брови комбат.

– Служу Отечеству!

– Вот так! Теперь правильно. Служи, Витя!

Голубятников вернулся на КНП, а Кувшинин остался с Беловым, помочь в организации несения караульной службы и взаимодействия с бойцами роты капитана Уханина. Для последнего взвод материального обеспечения явился неплохим подспорьем. В подразделениях обеспечения служили бойцы, ни в чем не уступающие своим товарищам из боевых рот.

Ровно в 19.00 сержант Выдрин доложил, что комбата вызывает на связь командир 8-й роты капитан Соколенко.

– Это Страж, – раздался в трубке голос капитана. – К посту охранения вышла колонна БМД, на пароль их командир ответил правильным отзывом. Судя по всему, прибыли нарофоминцы.

– Хорошо, – ответил комбат, – сейчас подойду.

Забрав с собой штатного связиста и пару бойцов охранения, Голубятников вышел во двор, где вовсю кипела работа по развертыванию взвода материального обеспечения. К нему подошел подполковник Ребров со своей группой заместителей и охранения:

– Ну, вот и мы! «Коридор» прошли без проблем.

– Как дальше будешь действовать?

– Как и обговаривали. Спешиваемся, выходим на исходный рубеж, осматриваемся, и вперед!

– Мои все предупреждены, если что, поддержим и огнем, и живой силой, при необходимости – артиллерией. Наши «Ноны» пристреляны, огонь откроют сразу, лишь бы ты цели указал.

– Думаю, обойдемся без «Нюрок». В контакт с духами можем войти сразу же, тогда не до артиллерии будет, она стрелять не сможет.

– Это верно, – согласился командир рязанских десантников. – Давай, спешивай личный состав, с передовой ротой пройдем до восточной границы моего плацдарма, оценим обстановку непосредственно в секторе, который тебе предстоит взять; ну а дальше сам.

Подполковник Ребров отдал все необходимые распоряжения, и к посту подошла передовая рота, ее провели к зданию строящегося нового вокзала. Голубятников и Ребров поднялись на командно-наблюдательный пункт мотострелковой роты. Оттуда сектор, определенный для захвата нарофоминцам, несмотря на темноту, просматривался полностью и достаточно хорошо.

– По железке, – уточнил Голубятников, – метров через триста, – переезд, это тебе как ориентир. Участок за переездом южнее – твой район.

– Понял, – кивнул Ребров. – Что еще?

– «Зеленка» перед тобой. Граница сектора захвата тебе известна. Роты 51-го полка Островского занимают позиции севернее, во втором квартале. Вон они, – указал на пятиэтажки Святослав, – слева. На юге, до переезда, стоят подразделения псковичей. Они здорово нам помогают, наглухо блокируя подходы к плацдарму с юга. Управлять ротами с пункта будешь?

– Наверное, – внимательно осмотрелся Ребров.

– Давай отсюда, – предложил Голубятников, – здесь место удобное, и я с тобой побуду, пока твои не войдут в сектор.

– Согласен! Спасибо, – ответил подполковник Ребров.

Святослав присел на принесенный мотострелками ящик. Комбат 119-го парашютно-десантного полка вызвал на КНП командиров рот и поставил боевую задачу, передав информацию, полученную от Голубятникова. Ротные сосредоточенно слушали командира, сверяя увиденное на местности с картами. Закончив доклад, Ребров спросил:

– Какие будут ко мне вопросы по выполнению поставленной задачи?

Вопросов у командиров рот не было. Все было оговорено, согласовано и отработано еще в парке.

– Хочу предупредить вас о внезапно возникшей угрозе, – вступил в разговор Голубятников.

– Мне ты ничего об этом не говорил, – удивленно посмотрел на него Ребров. У тебя есть еще какая-то информация по духам?

– По духам нет. Есть информация по своим.

– Не понял?

– Объясню! В Грозный ввели внутренние войска МВД. На днях это происходило или раньше, не знаю, но мы – я имею в виду себя и своих заместителей – сегодня при возвращении из парка после совещания на КП сводного полка встретились с группой спецназа внутренних войск. Вроде ничего необычного – спецназ решает свои задачи, а где и как им работать, нас касаться не должно. Если бы не одно «но»! Данная группа проводила рекогносцировку местности для того, чтобы ночью силами отряда спецназа численностью в триста профессионально подготовленных бойцов, ни много ни мало, выбить духов, удерживающих привокзальную площадь.

– Каких это духов? Их же у вокзала давно нет! – воскликнул подполковник Ребров.

– А вот у спецов другие разведанные, согласно которым площадь до сих пор находится в руках сепаратистов, и ребята из спецназа реально готовили штурм боевиков. Когда же командир отряда узнал, что площадь контролируем мы, он очень удивился. Таким образом, в городе сложилась ситуация, при которой появление подразделений внутренних войск – по крайней мере, в ближайшие сутки – можно ожидать где угодно и когда угодно. В том числе и этой ночью. Нет никакой гарантии, что сейчас спецназ ВВ не готовит штурм вашего сектора с восточного направления. Поэтому будьте предельно внимательны. Помните: на данный момент взаимодействие между подразделениями и частями вооруженных сил и внутренних войск не согла-

совано. При встрече с вэвэшниками, чего я вам от всей души не желаю, постарайтесь обозначить себя как своих. Для этого применяйте все, что только возможно, вплоть до матерка. Не допустите бойню между собой. Надеюсь, ничего страшного не произойдет, но предупредить вас о потенциальной опасности я счел необходимым.

– Да что за хрень, на самом деле? – выругался командир нарофоминцев. – Что вообще делают в штабах наши долбаные высокопоставленные начальники? И себя запутали, и нас подставляют.

– Успокойся, – обратился к нему Голубятников. – Возмущением, даже оправданным, делу, увы, не поможешь; задачу же выполнять придется по-любому. И в той обстановке, которую мы имеем, а не в которой строят свои планы штабы. Удачи вам, ребята! Мы рядом; если что, поможем!

– Вперед! – отдал приказ Ребров, и ротные покинули командный пункт мотострелковой роты.

В 20.00 подразделения наро-фоминского батальона вошли в частный сектор без особых происшествий, пройдя мимо квартала, удерживаемого батальоном 51-го парашютно-десантного полка. Ребров перебрался на командный пункт Островского, а Голубятников вернулся на свой КНП и оттуда продолжал отслеживать обстановку. Где-то в 21.35 из «зеленки» послышались первые выстрелы. Затем стрельба начала усиливаться, уже доносились пулеметные очереди и разрывы гранат. Боевики не отошли, рискнув оказать сопротивление, и после 22.00 где-то в середине сектора разгорелся ожесточенный бой. Голубятников приказал Выдрину соединить его с Островским.

– Да! – ответил командир тульского батальона.

– Волна, – это был позывной подполковника Островского, – Скот у тебя? – позывной подполковника Реброва.

– У меня!

– Передай ему трубку.

– Скот на связи, – тут же ответил Ребров.

– Что за бой идет в «зеленке»?

– По докладу командира роты, его взвод вышел к небольшому двухэтажному зданию, бывшему общежитию. Сначала все было спокойно, а как только взвод подошел вплотную к этой общаге, из нее ударили духи. И их там немало, десятка два. Взводу пришлось залечь, сейчас к нему подходит поддержка с флангов. Ребята должны в ближайшее время снять проблему.

– Почему бы нам не применить артиллерию?

– Взвод в контакте с противником, вести позиционный бой может, а отойти – нет!

– Понял! Держи меня в курсе событий. – И Голубятников вернул трубку связисту.

– Ну и что там у нарофоминцев? – спросил находившийся рядом начальник штаба.

– Один из взводов батальона нарвался на укрепленный пункт боевиков, – ответил Голубятников. – Ребров подводит к духам другие подразделения с флангов, обещает скоро решить проблему.

– А что это за укрепленный пункт?

– Общежитие, судя по всему, бывшее, а в нем полно духов, хорошо вооруженных и полных решимости сражаться до конца.

– Наверняка находящихся под кайфом. Впрочем, для некоторых из них и без наркоты высшая доблесть – умереть в борьбе с неверными.

– Ну, вот и будут удостоены такой чести. Бойцы Реброва раздавят их, дело только во времени.

– А артиллерию, как я понял, мы применить не можем.

– К сожалению, нет.

– Понятно! Что ж, будем ждать, чем закончится бой. Точнее, не чем, а когда...

А ситуация у бывшего полуразрушенного общежития развивалась следующим образом. Преодолевая нарастающее сопротивление боевиков, укрепившихся в развалинах и домах восточного частного сектора, взвод старшего лейтенанта Михаила Коренева, пройдя первые три проулка, вышел к развалинам четвертого. Взводный увидел за дорогой двухэтажное здание с поврежденной крышей, обвалившимися балками и с выбитыми окнами. Внешне оно не представляло никакой угрозы, но только внешне. Стоило десантникам обойти развалины, как в проемах окон появились боевики, открывшие по взводу шквальный огонь. Бойцы рухнули на землю, перекатившись за укрытия. Но не всем удалось благополучно выйти из-под огня. Один из бойцов был убит на месте, буквально разорванный пулями пулемета «ПКМ», бившего из крайнего левого окна, другой получил ранение в ногу. Его жизни ничего не угрожало, но передвигаться самостоятельно, а следовательно, участвовать в бою, он мог лишь ограниченно – с места укрытия поддерживать огнем автомата действия своих товарищей. Быстро оценив обстановку, взводный укрылся за массивной плитой какого-то бывшего строения, вызвал к себе связиста и приказал связать его с ротным. Капитан Зайцев находился со вторым взводным, наступавшим слева.

– Утес! Я – Тайга! Что у тебя?

– Встретил укрепленный опорный пункт противника, вынужден перейти к позиционному бою.

– Что за опорный пункт?

– Двухэтажное здание, скорее всего бывшее общежитие, координаты...

– Где сейчас находишься?

– Справа от развалин за плитой, напротив общаги.

– Понял! Веди обстрел здания, я иду к тебе.

– Принял!

Переговорив с командиром роты, старший лейтенант Коренев передал приказ вести обстрел здания, не предпринимая попыток штурма. Бойцы, пользуясь темнотой, плотными кустарниковыми насаждениями и многочисленными воронками, открыли по зданию прицельный огонь, заставив боевиков снизить интенсивность стрельбы. Ротный появился буквально через считанные минуты, залег рядом со взводным и спросил:

– Ну, что тут у тебя, Миша?

Коренев и Зайцев в один год закончили Рязанское воздушно-десантное училище. Более того, даже учились в одном взводе. И в дальнейшем, проходя службу в Наро-Фоминске, сохранили свою дружбу.

– Да вот, Серый, нарвались на общагу, полную духов. Вояки хреновые, скажу тебе. Им бы подпустить взвод поближе, дать выйти в проулок, на открытую местность, тогда и ударить со всех сторон, половину взвода положили бы точно. Но они открыли огонь, когда мы вышли из развалин и находились в «зеленке». Рядового Долина, правда, убили, да еще Шейко зацепили, но это не половина взвода. Поспешили духи – значит, либо командир бестолковый, либо управления вообще нет. Собралась банда, где каждый сам по себе.

– И сколько, по-твоему, в здании бестолковых бандитов? – спросил ротный.

– Человек двадцать, не больше – иначе просто не уместились бы в этом здании, если, конечно, часть из них не сидит в подвале.

– Чем вооружены духи?

– Слева сверху – пулемет; у остальных, похоже, автоматы. Патронов не жалеют.

Ротный соединился с командирами второго и третьего взводов и приказал им остановиться, оставить на рубежах по отделению для контроля обстановки, а по два отделения подвести к зданию общежития с флангов, охватывая и тыл опорного пункта противника. Затем связался с командиром батальона, доложил об изменении обстановки и принятом решении по уничтожению силами роты опорного пункта боевиков. Ребров согласился с командиром роты

и приказал, как можно быстрее ликвидировав препятствие, продолжить наступление. Переговорив с комбатом, ротный повернулся к командиру взвода:

– Ты слышал мои переговоры и со взводными, и с комбатом. Футин с Осокиным выйдут во фланги общаги минут через пять-десять. Тебе же предстоит атаковать строение с фронта. Давай прикинем, как нам провести лобовую атаку в момент удара двух других взводов с флангов и тыла. Твои предложения.

– Гранатометчикам, при подходе двух других взводов, ударить по второму этажу, по трем окнам и трем балконам, чтобы в первую очередь уничтожить пулеметный расчет духов. Затем бросок к зданию, применение ручных гранат и проникновение на первый этаж. Ну, а далее по обстановке – валить всех, кого увидим и кто останется жив после гранатометной атаки. Ребятам Футина и Осокина в дом прорываться не следует, достаточно огнем автоматов отвлечь противника. Остальное сделаю я со своими орлами.

– Ну что ж, – задумчиво проговорил командир роты, – план неплох. Так и поступим.

В 22.17 на связь вышли командиры 2-го и 3-го взводов, доложили, что подвели по два отделения к торцам общежития. Бойцы Футина на подходе уничтожили замаскированную в развалинах у спортплощадки пулеметную точку противника, до сих пор не проявлявшую себя.

– Внимание Арбату и Клену! – приказал ротный. – В 22.25 Утес проведет обстрел второго этажа здания с фронта из «РПГ-7», вам тут же открыть огонь по окнам торцов здания, чтобы перекрыть все возможные пути отхода противника. К зданию ближе тридцати метров не подходить, внутри будет работать Утес. Проникнув в здание, огонь по общаге прекратить! Как поняли?

Взводные доложили, что приказ поняли и готовы к действиям.

– Ставь задачу своим, Миша! Только быстро, – повернулся ротный к Кореневу. – У тебя, – он взглянул на часы, – пять минут.

– Есть! – ответил старший лейтенант, и тут же вызвал к себе командиров отделений, сержантов Анатолия Волгина, Семена Абрамова и Юрия Ченикова и приказал: – Гранатометчиков отделений сосредоточить в развалинах здания, что справа от меня. В 22.25 провести одновременный обстрел всех окон второго этажа. Для этого выделить гранатометчикам по помощнику с выстрелами. Сразу же после обстрела все три отделения переходят в атаку, на ходу забрасывая окна первого этажа и входы в подъезды ручными наступательными гранатами. Далее проникаем в дом, я с первым отделением – в первый слева подъезд, отделения Абрамова и Ченикова – во второй. С флангов нас будут поддерживать огнем бойцы двух взводов. Они же перекроют пути отхода духов. Вопросы ко мне?

– А если после гранатометного обстрела здание рухнет? – спросил сержант Абрамов.

– Так тем лучше, Сеня! Не придется атаковать эту долбаную общагу. Больше вопросов нет? Доклад о готовности к штурму в 22.23! Вперед!

Командиры отделений исчезли в темноте развалин, а Коренев взглянул на ротного. Зайцев кивнул и, подняв бинокль, направил его на общежитие, откуда боевики возобновили интенсивный огонь. Но они не видели целей, и пули уходили в «молоко». Стреляли скорее демонстрационно, показывая, насколько сильны.

– Ну, недолго вам стрелять осталось, козлы! Помолились бы лучше перед смертью.

– Время? – спросил Коренев.

– 22.20!

– Не вижу рассредоточения твоих подчиненных.

– И правильно. Они что, идиоты, обозначать себя?

– Посмотрим, как будут действовать в атаке.

– Нормально будут действовать, как учили!

– В том-то и дело, что как учили – на полигоне... Это первый серьезный бой твоего взвода?

- Первый!
- Прорвемся?
- Да без базара! Я в своих уверен!

– Жаль Долина, хороший был солдат. Ему весной увольняться. Вот и уволился... Но ладно, ничего уже не поделаешь. Это, к сожалению, первая потеря, но, думаю, далеко не последняя.

В 22.23 командиры отделений доложили, что гранатометчики выдвинуты на позиции, отделения готовы к штурму.

- Я в первое отделение, – сказал Корнев.
- Давай! А я отсюда буду корректировать ваши действия.
- Главное, вовремя прекрати огонь ребят Футина и Осокина, а то своих перестреляют.
- Не беспокойся. Все будет как надо.

Старший лейтенант быстро переместился к отделению сержанта Волгина и ровно в 22.25 отдал команду:

- Внимание, гранатометчики, огонь!

Три «РПГ-7» ударили по второму этажу здания с левой стороны. Пулемет противника, а с ним и три автомата, замолчали. Выстрелы гранатометов не оставили боевикам никаких шансов выжить. Быстро перезарядив «трубы», гранатометчики ударили теперь по правой стороне здания. Из проемов окон вырвалось пламя, обрушились балконы; крыша просела, но не рухнула. Одновременно с флангов из автоматов ударили взводы старших лейтенантов Футина и Осокина. Корнев отдал следующую команду:

- Гранаты к бою, за мной, вперед!

Бойцы взвода бросились к общежитию, точно посылая в проемы окон и подъездные входы наступательные гранаты «РГД-5». От взрыва первый этаж мгновенно окутался дымом. Взводы фланговой поддержки прекратили огонь по команде командира роты.

Корнев первым ворвался в левый подъезд и сквозь дым увидел стоявшего на одном колене и обхватившего руками голову боевика и выпустил в него очередь из «АКСа». Боевик упал. Бойцы быстро разбежались по комнатам. Прогремела еще пара очередей, хлестнули два одиночных выстрела. В подъезд выскочил сержант Волгин:

- Здесь порядок, командир!
- Быстро отделение на второй этаж! – приказал командир взвода.

На втором этаже десантники уже не стреляли – не в кого было. Спустившийся Волгин доложил:

- Наверху месиво, товарищ старший лейтенант.
- Пересчитай духов, собери оружие, боеприпасы, а я во второй подъезд.

У входа в подъезд его уже поджидал сержант Абрамов.

- Что у вас, Сеня? – спросил Корнев.

– Порядок! Двое духов каким-то образом уцелели и пытались пробиться к тыловым окнам первого этажа, но не успели. Сняли прямо у проема. Остальных кончили!

- А второй этаж?

– Там всех положило выстрелами «РПГ».

– Считайте духов, забирайте оружие, магазины и выходите на исходный рубеж.

– С боевым крещением тебя, Миша! – подошел к Корневу командир роты.

– Тебя тоже! Ребята посчитают духов и выйдут из дома. По докладам сержантов, ни одному боевику не удалось ни выжить, ни уйти.

– Ошибаются твои сержанты. Двое архаров все же спрыгнули со второго этажа в тыл здания, как раз за секунды до гранатометной атаки. Но уйти им не дали ребята Осокина, подстрелили прямо у здания. Так что к тем, что насчитают твои пацаны, прибавь и этих двух. Наши не пострадали?

– По докладам, нет!

– Это хорошо! – удовлетворенно произнес капитан Зайцев и подозвал к себе связиста: – Связь мне с Арбатом и Кленом!

– Есть!

Через пару секунд Зайцев уже передавал взводным приказ вернуться на рубежи остановки наступления и дать команду на продолжение захвата плацдарма на определенном роте направлении. Взводные приняли приказ к исполнению.

Из дымящегося здания бывшего общежития вышли бойцы взвода Коренева.

– Докладывайте, что у нас по духам, – приказал Зайцев.

Сержант Волгин доложил, что в первом подъезде уничтожено девять боевиков, среди них одна молодая девушка – чеченка.

– Той-то чего дома не сиделось?

– Не знаю, товарищ капитан, но у нее был при себе автомат... А так – красивая девочка, молоденькая, вот только одета во все черное.

– Ладно, с тобой все ясно! – Капитан повернулся к Абрамову и Ченикову: – У вас что?

– Шесть уничтоженных духов, в одной из комнат первого этажа обнаружен пакет с героином, шприцы, горелки, ложки. Шприцы как в упаковке, так и использованные, – ответил Абрамов.

– Где героин?

– Там, в комнате.

– А ну, быстро его сюда!

– Со шприцами?

– Пакет сюда, сержант! И шприцы, заряженные наркотой.

– Есть!

Абрамов принес пакет с сероватым порошком, три заправленных наркотой шприца и обертку от второго пакета.

– Лично сожги эту дрянь! – приказал Зайцев Кореневу. – Только быстро, Миша, и разворачивай взвод в линию. О готовности к продолжению движения доложить. Я – во взвод Футина.

В 0.20 рота капитана Зайцева пошла дальше к границе сектора, определенного командованием к захвату. Второй очаг серьезного сопротивления встретила третья рота, выходящая за железную дорогу. И встретила на подходах к переезду. Там десантники столкнулись с группировкой в сорок боевиков. Реброву пришлось перебрасывать к переезду два взвода соседних рот. В результате получасового боя десантники часть боевиков уничтожили, часть вытеснили за железнодорожные пути, где их встретил взвод подразделения псковской дивизии. К 5 утра юго-восточный плацдарм был захвачен. По докладам командира батальона 119-го наро-фоминского парашютно-десантного полка, потери десантников составили двое убитых и трое раненых, которых эвакуировали в парк Ленина. Батальон же приступил к оборудованию позиций обороны захваченного плацдарма, выставлению постов боевого охранения, организации караульной службы. Данные мероприятия были закончены к 7.30 11 января, о чем Ребров и доложил на КП сводного полка. В ответ приказ на короткий отдых и прибытие к 10.00 на командный пункт для участия в ежедневных утренних совещаниях. Отправились отдыхать и подполковники Голубятников с Островским, так же, как и Ребров, не сомкнувшие глаз в эту ночь. Над расширенным плацдармом установилась тишина, прерываемая канонадой, вспышками разрывов снарядов, стрельбой из стрелкового оружия со стороны Белого дома. Там бои не прекращались ни на минуту, то ослабевая в темное время суток, то с рассветом разгораясь вновь. Дудаевцы, несмотря на мощный непрекращающийся штурм российских войск, все еще продолжали обороняться. Но уже ни у кого не осталось сомнений, что оборона сепаратистов рухнет в ближайшее время. И возникал вполне логичный вопрос: а что будет дальше? Ответ

тить на него не мог никто, даже высокие чины из высоких штабов. Война продолжалась, и все происходящее подчинялось только ее законам.

Среда, 11 января 1995 года.

С утра бои в центре Грозного возобновились с новой силой. И только на плацдарме царила относительная тишина. Боевики, понесшие большие потери в восточном частном секторе, отошли к Белому дому, и снайперы продолжали стрелять с дальних позиций. В подразделениях 3-го батальона были сформированы снайперские группы, и правильность решения подполковника Голубятникова подтвердилась уже с рассветом, когда ими были уничтожены четверо боевиков, перемещавшихся по проспекту Орджоникидзе, и трое в северо-западной «зеленке». В 8.50 на КНП Голубятникова пришел подполковник Ребров, рассказал подробности штурма в общежитии, сообщил о потерях – двоих убитых и троих раненых. Разговор прервался звонком Островского.

– У тебя порядок? – спросил комбата туляков Голубятников.

– Да! Иду к тебе. Ребров уже подошел?

– У меня!

– Добро! В 9.30 вместе пойдем на совещание в парк.

Этой ночью не спали и подполковник Юрченков с майором Кувшининым. Батальону рязанцев предстояло, вступив в бой, овладеть последним домом ближайшего квартала, тем самым закольцевать привокзальную площадь, сведя к минимуму вероятность прорыва на плацдарм крупных сил противника. Поэтому старшие офицеры до утра полностью отработали план штурма дома, никому не ставя конкретную задачу, определили, кто, когда и откуда будет наступать, каким образом осуществить поддержку штурмующего подразделения, установили, где разместятся группы эвакуации раненых, то есть все расписали до мелочей. К штурму решено было привлечь 2 взвода 9-й роты во главе с ротным, а один взвод оставить на прежних позициях.

В 9.00 на КНП вошел Островский и поздоровался с присутствующими.

– Приветствую вас, господа офицеры, – затем, пожав руку Реброву, добавил: – Ну у тебя и часовые, Володя!

– А что такое?

– Ты не в курсе?

– Нет! Что произошло?

– Да ничего особенного, если не считать, что один из твоих парней чуть было не грохнул меня с группой сопровождения.

– Как это произошло?

– Решил я обойти позиции рот батальона, проверить несение службы на постах охранения. – Прикурив, Островский присел на край стола. – Еще затемно, в 5.00, с группой сопровождения вышел из здания КНП. Идем к дому, со стороны, где должны уже стоять нарофоминцы, а там напротив пятиэтажного дома, – двухэтажка, и со второго этажа вдруг раздается крик:

– Стой! Кто идет?

Подумал, молодец, Ребров, оперативно посты выставил. Вот только часовых почему-то не проинструктировал – ни тебе пароля, ни отзыва, только обычное, как в мирное время: «Стой, кто идет!» Встали, конечно, я представился, да так, чтобы на часовых подействовало, короче, представился командиром 51-го полка. Часовой опять:

– Стой! Кто идет?

– Да стоим же, мать твою, – отвечаю. – Не видишь, что ли? – Назвал еще раз себя и объяснил, что проверяю позиции подчиненного батальона. – Чего тебе еще надо? За своей территорией смотри. – И мы сделали пару шагов вперед. Ну, должен же он был врубиться, что свои внизу и к его посту никакого отношения не имеют? А он, паразит, снова закричал и, уже совершенно не по уставу, отдал команду:

– Стой! Или бросаю гранату!

Ну, я тут не выдержал и крикнул в ответ:

– Ты охренел, что ли, боец! Я тебе так брошу гранату, что маму родную забудешь. Метатель нашелся!

Бойцы тоже кричат – типа, ты, зелень, щегол желторотый, пасть закрой и отвали. А часовой в ответ все твердит, что гранату бросит. Я, конечно, не думал, что он бросит, а тут в воздухе щелчок, значит, летит граната, и скоба отскочила. Ну, мы кто куда: я – за вывороченную из земли плиту, бойцы – кто в канавы, кто за валуны. Взрыв, визг осколков... Мы бегом обратно к себе. Хрен знает, что на уме у этого придурка; возьмет да бросит еще пару гранат или в спину ударит из автомата. Не выстрелил. Может, просто не успел, а может, прочухался, хотя последнее вряд ли. Ну, ладно, – хитро взглянул на Реброва Островский. – То, что часовых твои офицеры сразу же после захвата сектора выставили, похвально, а вот что бойцы на постах не проинструктированы, плохо.

– Не знал, – извиняющимся тоном ответил Ребров. – По возвращении с совещания обязательно разберусь.

– Да уж, разберись, иначе беды не миновать. Ну что, пойдем в парк?

– Да, пора, как раз к 10.00 должны прийти. Бортнов не любит, когда кто-то опаздывает, – посмотрел на часы Голубятников.

Командиры батальонов направились в сторону парка имени Ленина. От центра доносился грохот ожесточенного боя – уханье разрывов снарядов, пулеметно-автоматные очереди, стрельба скорострельных пушек БМД-2 и крупнокалиберных пулеметов бронетранспортеров.

– Что-то никак наши не пробьют оборону духов, четвертые сутки атакуют, – заметил Голубятников.

– Наверняка опять намудрили штабисты – разработали планы так, что все перемешалось, к чертовой матери, – вступил в разговор Ребров. – Уж на что, а на то, чтобы запутать ситуацию, наши современные военачальники большие мастера.

– Мне товарищ один сообщил, – проговорил Островский, – что в мобильный госпиталь тыловой зоны поступают сотни раненых, десятки убитых, да и техники духи много пожгли.

– Ничего, долго Дудаеву не продержаться, хотя и четверо суток слишком много, – ответил Голубятников. – Странная война, необъяснимая, а все почему? Потому, что не подготовлены войска, недооценены силы сепаратистов, не учтены в полной мере особенности ведения боевых действий в условиях крупного населенного пункта. Но когда-то же все должно встать на свои места? Мы заняли обширный плацдарм, наверняка такие же плацдармы захвачены другими частями и подразделениями.

– А толку-то? Ну, постоим на плацдармах, пехоту еще побьют, и нас бросят в этот чертов центр. Как пить дать. – Возмущенный Островский не выдержал и смачно сплюнул на дорогу.

– Да, без нас не обойдутся, – согласился Ребров.

В 10.00 на КП полка началось совещание. В деталях разобрали ночные действия нарофоминского батальона. Полковник Бортнов признал их успешными, поблагодарил комбата 119-го полка и приказал всех отличившихся в ночных боях офицеров и солдат представить к правительственным наградам.

– А что, товарищ полковник, сейчас в центре города происходит? – поинтересовался Голубятников.

– Духи пока держатся, – ответил Бортнов. – Пехота, танки, артиллерия прессуют их, но на данный момент прорвать оборону не удалось. Возможно, это произойдет сегодня. Но у нас свои задачи, их и будем решать. А с Белым домом есть кому разобраться.

– А по внутренним войскам что?

– Я доложил командованию о возникшей проблеме, обещали все проверить. Основные силы ВВ в город не введены, действуют только их разведывательные и специальные подразделения.

– Да разве в этой неразберихе удастся что-либо проверить?

– Время покажет, а пока действуйте по обстановке, приняв все возможные меры для недопущения боестолкновений со своими войсками. Кстати, Голубятников, – взглянул на комбата командир полка, – что у тебя по предстоящей операции?

– Батальон к выполнению задачи готов, – доложил Святослав, – план отработан до мелочей, где-то в 2.00 начнем!

– Держать меня в курсе штурма здания, – приказал Бортнов. – По данным полковой разведки, в нем находятся около двадцати-тридцати хорошо вооруженных боевиков. У них имеется связь со своим штабом. Так что твоим ребятам придется непросто.

– Я уточняю количество духов в доме. За ним постоянно ведется наблюдение. Но к боевикам может подойти помощь с севера, а также из северо-западной «зеленки»!

– В северо-западном секторе, по моим данным, сейчас нет каких-либо крупных сил противника, лишь разрозненные, блуждающие группки по три-четыре человека. Вряд ли они кем-то управляются и пойдут на помощь собратям.

– Сейчас, возможно, и нет, а ночью появятся, – проговорил Голубятников. – Такое уже бывало. Но, если что, мы накроем их огнем артиллерийской батареи. Как с севера, так и с северо-запада. Сектора вокруг плацдарма пристреляны, батарея находится в постоянной готовности.

– Да и наши артиллеристы при необходимости поддержат огнем действия рязанцев, – добавил Островский и посмотрел на Реброва.

– Конечно, поддержат, – утвердительно кивнул тот.

– Надеюсь, обойдемся без артиллерии, – поднялся командир полка. – Вопросы ко мне есть? Нет? Тогда все свободны!

Старшие офицеры вышли с командного пункта и тут же разошлись. Голубятников прошел до позиций приданной артбатареи, уточнил с Селиным порядок взаимодействия при проведении ночного штурма здания, квадраты, по которым, в случае необходимости, по первому запросу следует нанести удар самоходными орудиями, и направился обратно на занимаемый подчиненным батальоном плацдарм. На этот раз группа не встретила ни спецназ внутренних войск, ни разведку морских пехотинцев, и спокойно дошла до поста. На посту их встретил старший лейтенант Стрельцов и доложил, что все в порядке. Голубятников и Выдрин пошли дальше к зданию КНП, отпустив бойцов охранения, и у второго подъезда чуть не столкнулись с выходящим из него командиром взвода 7-й роты, старшим лейтенантом Гротовым. Тот козырнул и хотел было быстренько завернуть за угол, но комбат его остановил:

– Гротов!

– Я, товарищ подполковник! – обернулся офицер.

– А ты что здесь делаешь?

– Так, это, к Стрельцову заходил.

– К Стрельцову, говоришь?

– Так точно! Встретились, поболтали немного. Хотел еще с Беловым переговорить насчет пары бушлатов для бойцов, пообносились сильно, – так того в здании не оказалось.

– Как же ты мог встретиться со Стрельцовым, если он находится сейчас на западном посту?

– Да? Так мы до того, как он пошел на пост, встретились.

– Что-то ты темнишь, Гротов! – подозрительно взглянул на старлея Голубятников. – А ну, говори правду, зачем пришел сюда, и знает ли об этом командир роты?

– Ротный знает! А приходил, если честно, к девушке.

– К девушке? Какой еще девушке? – удивился комбат.

– Да познакомился я тут с одной дамой, из беженцев, что в подвале обитают, – вздохнул

Гротов.

– И все вы успеваете! Ну, просто диву даешься. И воевать, и любовь крутить!

– Ничего такого я не кручу. Ну и что, что война? Только о ней теперь и думать? Надо – воюем, и неплохо воюем, сами знаете, а выпадет свободная минута, почему бы не расслабиться?

– И когда же ты познакомился со своей дамой?

– А как сок беженцам передавали. Тот, что на путях нашли.

– Ну и шустрый ты, однако! И сколько лет даме?

– Двадцать.

– Значит, решил развести девочку? Отказать тебе она не сможет, ты ж ее защитник, да и не в том положении она, чтобы отказать, – а ты и пользуешься этим?

– Да о чем вы говорите, товарищ подполковник? Намеряете, что на секс ее развожу? Ошибаетесь. Просто понравилась мне эта девушка, а я понравился ей. Думаю, как закончится этот бордель, заберу ее отсюда в Рязань.

– Может, и жениться планируешь? – усмехнулся Голубятников.

– Почему нет? Вы же свою жену тоже на войне встретили, в Афгане. Почему я не могу встретить свою любовь в Чечне?

– Смотри, Гротов, я проверю, что за отношения у тебя с девушкой, и не дай бог, если ты мне врешь. Накажу, несмотря на прежние заслуги, да так, что мало не покажется.

– И, проверяйте, я правду сказал! Разрешите идти?

– Подожди! Постой здесь и подожди. Покури, пока есть время.

– А чего ждать-то?

– Не чего, а кого. Меня дожись, а я переговорю кое с кем из беженцев.

– А! Есть, подождать!

Голубятников, отправив связиста на КНП, спустился в подвал и остановился. Пока глаза привыкали к темноте, к нему подошел старший по подвалу Викторов.

– Здравствуйте, Святослав Николаевич! Решили проведать нас?

– Да. Как вы тут?

– Сейчас гораздо лучше, когда и пищу горячую стали давать, и воду. В общем, у нас все нормально.

– Сама жизнь в подвале – это ненормально... Но я вот о чем хотел спросить, Илья Владимирович: тут к вам заходит один мой офицер, вроде как к девушке какой-то.

– Да. Редко, но заходит. К Оксане Литинской. Позвать ее?

– Не надо. Офицер не позволяет ничего лишнего? Вы понимаете, о чем я...

– Нет, что вы! Старший лейтенант ведет себя прилично. Мне кажется, у них с Оксаной если не любовь, то симпатия – точно. Встретятся, посидят, поговорят в уголке – и разойдутся. Ничего лишнего. Офицер ей подарки, продукты приносит, а Оксана раздает соседям.

– А что это за Оксана? Кто она, с кем здесь?

– Девочка жила в доме, который стоит напротив частного сектора. Я знал ее семью, – вздохнул Викторов.

– А что с семьей?

– Погибла.

– Во время штурма или от рук дудаевцев?

– Нет. Это произошло еще до войны и до разгула бандитизма. В 92-м году. Отец, мать и младший брат Оксаны ехали на автобусе куда-то, то ли к родственникам, то ли к знакомым. Девочка осталась дома, это ее и спасло. Водитель на серпантине не справился с управлением, и автобус рухнул в пропасть. Все, кто были в нем, погибли. Оксану хотел забрать к себе дедушка

по матери, он в Симферополе живет, да приболел, а потом... потом, видимо, не решился сюда приехать. Так и осталась Оксана одна. Работала продавщицей в магазине, жила скромно. Ну а как гвардейцы начали вылавливать таких, как она, пряталась по соседям, друзьям. Затем, когда начались бомбардировки, пришла сюда... Вот такая история.

– Понятно. Грустная история...

– А у кого здесь не грустная история, товарищ подполковник?

– Да уж... Но ладно, спасибо за информацию. Значит, у вас все в порядке?

– В порядке.

– Хорошо! Надоело вам, наверное, обитать здесь? Скоро новую жизнь строить начнете.

Я еще зайду, а сейчас мне пора. Если что, обращайтесь, что в наших силах...

– Знаю, спасибо. А офицера не ругайте. Он и Оксана хорошая пара. Может, девочка найдет с ним свое счастье.

– Может быть! До свидания, Илья Владимирович.

– До свидания, Святослав Николаевич.

Голубятников вышел во двор и увидел у входа курящего Гротова. Тот быстро бросил окурок, поправил обмундирование и выжидающе быстро посмотрел на командира.

– Все в порядке! Расслабься, – улыбнулся комбат. – Встречайся со своей Оксаной, но только с разрешения командира роты, понял?

– Так точно! – радостно ответил Гротов. – Спасибо, товарищ подполковник!

– За что спасибо-то?

– За все!

– Ладно! Ступай в роту. День сегодня предстоит непростой, а ночь – тем более. Свободен!

– Есть! – И Гротов скрылся за углом здания.

Голубятников поднялся на второй этаж. Предстояло готовить личный состав к ночному штурму последнего не захваченного дома ближайшего квартала. Последнего оплота боевиков в непосредственной близости от удерживаемого плацдарма...

Глава 3

По возвращении на командно-наблюдательный пункт подполковник Голубятников приказал сержанту Выдрину вызвать по связи всех ротных командиров. Выполнив приказ, сержант обратился к комбату со словами:

– Товарищ подполковник, вам письмо пришло.

– Да? Почта уже была?

– Так точно! – И Выдрин передал Голубятникову письмо от супруги Галины.

Не распечатывая конверта, Святослав положил его в карман камуфляжа. Момент не подходящий для писем, начали собираться командиры рот. Вскоре на КНП весь командный состав батальона был в сборе. Майор Кувшинин расстелил на столе карту местности.

– Внимание на карту! Овалом обозначен дом, подлежащий захвату. Да вы все видели его, и не раз, а Боревичу с Телинским он уже все глаза промозолил.

– Да уж, постреляли по нему вволю, – ответил командир разведроты. – И из него по нам тоже.

– К штурму решено привлечь две штурмовые группы, по 20 человек каждая. Первая группа формируется из личного состава 7-й парашютно-десантной роты, под командованием заместителя командира роты и командира взвода. Капитану Кошереву определить, какой взвод войдет в штурмовую группу. Вторая формируется из личного состава 9-й парашютно-десантной роты, во главе с ротным и одним из взводных, на усмотрение ротного. Здание, которое предстоит штурмовать, имеет два подъезда, вот через них мы и осуществим прорыв в дом. Штурмовые группы действуют из расположений 7-й и разведывательной рот. Каждой группе придаются саперы со взрывными комплектами для подрыва возможных препятствий. По уточненным начальником штаба и капитаном Телинским разведанным, в доме сейчас находится до 20 боевиков, примерно по десять на подъезд. Они постоянно стреляют по нашим позициям, а это значит, что боеприпасами духи укомплектованы под завязку. Возможны потери с нашей стороны. Для того чтобы без задержки эвакуировать раненых с поля боя, силами всех рот создается специальная санитарно-эвакуационная группа. Командирам рот выделить личный состав для формирования эвакуационной группы по расчетам начальника штаба Кувшинина. За зданием 9-й роты выставить БТРД, для отправки раненых в парк имени Ленина. Порядок проведения штурма: по моей команде гранатометчики 7-й, 9-й и разведывательной рот должны провести по четыре выстрела на каждый этаж, далее огневое прикрытие действий штурмовых групп осуществляют бойцы 7-й и разведывательной рот. В светлое время суток усилить наблюдение за объектом штурма, вычислить огневые точки противника, уничтожению которых в ходе штурма уделить особое внимание, огонь же вести по каждому окну, из расчета один солдат на окно. Неважно, будут находиться там боевики или нет, но бить, подчеркиваю, по всем окнам. Как только штурмовые группы выйдут к подъездам, первая группа – к левому, вторая – к правому, огонь с первого этажа перенести на второй. Группы должны зайти в подъезды без стрельбы и уже на первом этаже открыть по всем помещениям, по всем углам слепой огонь. Отработав первый этаж, штурмовики выходят на второй, огонь поддержки переносится на третий – и так до последнего, пятого, этажа. На взятие каждого этажа отводится 10 минут. На каждом остаются по четыре бойца, по два из каждой группы. Захватив здание, штурмовым группам организовать оборону, так как вполне вероятно, что духи предпримут попытку отбить дом силами, сосредоточенными в центре, и наступать они будут, если конечно будут, в основном со стороны Департамента госбезопасности. Выдвижение на исходные позиции назначаю на 1.30 12 января. Начало штурма – ровно в 2 часа, по моему личному сигналу. Сигнал – три тройки. К 3 часам дом должен быть взят! Во время штурма я буду находиться в расположении 7-й парашютно-десантной роты. Вопросы ко мне?

– Какие могут быть вопросы! – ответил Борович. – Выбьем духов из дома!

– У меня вопрос, – поднялся капитан Соколенко. – Наши действия, если духи получат поддержку со стороны «зеленки»?

– У тебя остаются на позициях два взвода, южнее размещены взводы 8-й роты и на КНП ставропольцы. К тому же командир артбатареи по первому же запросу накроет любой указанный нами квадрат, в том числе и северо-западный сектор; главное – не допустить прямого контакта штурмовых групп с вероятным противником.

– Я все понял! – кивнул Соколенко.

– Еще вопросы? – обратился Голубятников ко всем присутствующим. Ответом ему была тишина, прерываемая канонадой из центра города. – Вопросов нет! Сейчас выдвигаемся на плацдарм, я имею в виду себя и командиров рот. Пройдемся по местности, с позиций подразделений посмотрим на объект. Возможно, внесем в план кое-какие изменения. Товарищи офицеры, свободны!

Офицеры поднялись, заместители Голубятникова – подполковник Юрченков, майоры Лифанов и Жураев – остались на КНП, а комбат с Выдриным и ротными вышли в коридор и спустились во двор. Уточнение задачи на местности заняло около часа. Закончив работу, комбат и ротные вернулись на КНП. Еще раз уточнили состав штурмовых групп, эвакуоподразделения, саперных подгрупп, после чего комбат разрешил бойцам отдохнуть. Отправив в расположение командиров рот, он, наконец, достал из кармана письмо от жены. Но и на этот раз его не смог прочитать. Сержант Выдрин передал, что комбата вызывает по связи командир сводного полка.

– Я – Аркан! – отозвался Голубятников.

– Я – Гранит! Как у тебя дела? Готовишься к предстоящей операции?

– Странный вопрос, товарищ полковник. Конечно, готовлюсь. Порядок и обеспечение штурма определены планом, командирам рот поставлена боевая задача, отработаны все варианты действий и по карте, и на местности. Озабоченность вызывает северо-западный сектор. Если...

– Мы провели дополнительную разведку сектора, – прервал комбата Бортнов. – Разведчики обнаружили три группы боевиков по пять человек, вооруженных автоматами. Заметь, гранатометов – огнеметов или снайперских винтовок у них не было. Две группы разведчики уничтожили; одна, используя рельеф и знание местности, отошла на север. Так что мы практически контролируем северо-западную «зеленку».

– А снайперы продолжают бить из нее.

– Ну уж извини, вести охоту за одиночными стрелками я не буду, да и они не пойдут на помощь духам в доме. У них своя специфика.

– Сейчас в «зеленке» не так много духов, но как стемнеет, все может измениться. Так уже было, и не раз.

– Ты прав, поэтому можешь в случае необходимости использовать одну из рот мотострелкового батальона, обеспечивающего «коридор». С комбатом мотострелков согласишься сам. У меня все. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда до связи, Аркан!

– До связи, Гранит!

Не успел Голубятников отключить телефон, как «ТАИ-57» издал сигнал вызова.

– Да? – ответил Святослав.

– Это Иртыш!

– Приветствую доблестную пехоту!

– Взаимно! Как там мои у тебя, справляются?

– Справляются!

- Что-то давно не захаживал.
  - Времени нет. Появится свободная минутка – обязательно зайду.
  - Мне Бортнов звонил, приказал в случае необходимости поддержать тебя силами рот, обеспечивающих «коридор» между плацдармом и парком.
  - Я в курсе. Думаю, этого не понадобится.
  - Как знать? Но мы готовы помочь. Дай знак, и мои ребята сделают все, что надо.
  - Спасибо!
- Переговорив с командиром мотострелкового батальона, Голубятников вернулся к плану предстоящей операции, вновь и вновь прокручивая все возможные варианты развития событий во время ночного штурма.

16.00, расположение 7-й парашютно-десантной роты.

Капитан Коренев закончил инструктаж первой штурмовой группы, в которую, кроме заместителя, старшего лейтенанта Илюхина, вошли командир 2-го взвода старший лейтенант Андрей Грозов и бойцы взвода Лихолетова – сержант Беденко, рядовые Артюшин, Шохин и Лепшин. Отпустив солдат на отдых, Грозов подошел к ротному:

- Юра! Разреши мотнуться в здание КНП?
- К Оксане? – улыбнулся капитан.
- Да!
- Мотнись, но прежде скажи: у тебя к ней что, чувства разыграли, или хочешь просто, по походному отработать девочку?
- Да что вы с комбатом одну и ту же песню поете?! – возмутился Грозов. – Какой может быть военно-полевой роман? Нравится она мне, Юра, понимаешь, нравится.
- Неужели в Рязани девочек красивых мало?
- Много, но таких, как Оксана, нет.
- О! Ну тогда понятно, влюбился мой доблестный взводный.
- Я сам не знаю, влюбился или нет, откуда же тебе знать?
- Со стороны виднее... Иди, не теряй времени, ночью ты нужен будешь свеженьким, как огурец с грядки.
- Благодарю!

Грозов вышел из ближнего к позициям 9-й роты здания и бегом бросился к железной дороге. Где-то вдали, на фоне непрекращающейся канонады в центре города, щелкнул выстрел, и тут же справа от Грозова поднялся фонтан грязи от попадания пули.

– Сука, снайпер! – выругался на ходу Грозов. – Чуть не попал, козел! – И побежал дальше, не обратив внимания на слабый удар в вещмешок, висевший у него за спиной. За углом здания КНП остановился, отдышался и тут увидел приближающегося к нему прапорщика Белова.

- Ты что это зайцем, Андрюша, меж позиций мечешься? Не по мою ли душу?
- Нет, отдыхай!
- А чего ты такой злой?
- Я злой? Ты меня злым еще не видел. Ну ладно, ступай, куда шел, раз я тебе не нужен. – И прапорщик повернулся, собираясь идти дальше, но Грозов остановил его:
- погоди, Витя! У тебя мыло нормальное есть? Или шампунь?
- Откуда у меня шампунь? И что ты подразумеваешь под нормальным мылом?
- То, что нам выдают, для нас сойдет, а мне надо для женщины.
- Какой такой женщины? – удивился прапорщик.
- Молодой и красивой.
- И где ж ты нашел здесь такую? Уж не в подвале ли?
- В подвале. Так есть или нет?

– Да ты, никак, на свиданку приперся, – хитро прищурился прапорщик. – Ну, Андрюша, ну, орел! А мыло найдем, даже цветы организуем.

– Цветы?! Сейчас, зимой? Откуда?

– Ну, не букет шикарных роз, конечно, а вот какой-то цветок в горшке у меня имеется, наши девчата еще в полку принесли. Красивые цветы, красные; правда, стебель короткий.

– Плевать! Давай этот цветок и мыло сюда! Да побыстрей, Витя! Я с тобой потом рассчитаюсь. Ты знаешь, за мной не заржавеет.

– Знаю... Тебе цветы в горшке принести?

– В тазике, Витя.

– Понял. Жди, скоро буду.

Белов ушел и буквально через несколько минут вернулся, протягивая Гротову небольшой пакет и букетик миниатюрных алых цветов.

– Держи цветы, в пакете – мыло, фруктовое. Лучшего, увы, нет!

– Пойдет, спасибо! С меня литр в Рязани.

– Тебе того же. Не хворай.

Прапорщик, улыбаясь, ушел в сторону полевых кухонь, а Гротов побежал ко второму подъезду, стараясь держаться ближе к стене. Чертовы снайперы могли проявиться откуда угодно и в любой момент. У входа его встретил наряд охранения ставропольской роты. Бойцы узнали его и без вопросов пропустили внутрь, с некоторым удивлением отметив, что офицер пошел не наверх, а вниз, в подвал. Первым, кого он увидел, был бывший учитель и старший Виктор.

– Здравствуйте, Илья Владимирович, как тут у вас? – поздоровался Гротов.

– Здравствуйте, Андрей. Вы от командира батальона или...

– Или... – прервал его Гротов. – Позовете?

– Конечно. А вы в кладовку пройдите, там тепло, и присесть есть на что.

– Спасибо!

Гротов прошел в небольшую комнату без окон, ранее служившую кладовкой, присел на самодельную скамью, поставил вещевой мешок между ног, автомат к стене, пакет положил на лавку, а букетик цветов спрятал за спину. Через пару минут подошла Оксана, глаза ее светились радостью.

– Здравствуй, Андрюша! Я не ждала тебя сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.